

Е.М. Ермолаева

Влияние христианского фактора на политическую элиту Южной Кореи после освобождения (1945—1960 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается роль христианской церкви в формировании политической элиты и административного аппарата Южной Кореи в 1945—1960 гг. Анализируются причины, по которым христианская община расширялась, сохраняла высокий социальный статус и политический вес, стала носителем антикоммунистической идеологии, сформировала социально-политическую опору властей. Автор исследует предпосылки, причины и процесс «христианизации» административного аппарата страны в период режима Американской военной администрации и президентства Ли Сынмана¹. В колониальный период принятие христианства проходило за счет усилий западных миссионеров и самостоятельного знакомства корейцев с западной общественно-политической мыслью, которая вместе с христианской моралью интегрировалась в идеологию национально-освободительного движения. В период после освобождения христианское сообщество продолжало расширяться, оно активно участвовало в политической жизни страны, придерживалось антикоммунистических взглядов, обличая атеизм коммунизма. Формирование институтов либерально-демократической политической системы в Южной Корее требовало новых подходов и знаний, а также предполагало взаимодействие с американским истеблишментом. Христианство в этом процессе играло важную роль, это учение воспринималось многими корейскими политиками как необходимая составляющая современного мировоззрения. Кроме того, южнокорейские политики, являвшиеся христианами, могли пользоваться рядом преимуществ, которые были необходимы им на пути к власти.

Ключевые слова: христианство, Республика Корея, политическая элита, Американская военная администрация, Ли Сынман, антикоммунизм.

Автор: Ермолаева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой корееведения, Дальневосточный федеральный университет. ORCID: 0000-0002-7928-2543. E-mail: ermolaeva.em@dvfu.ru

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ермолаева Е.М. Влияние христианского фактора на политическую элиту Южной Кореи после освобождения (1945—1960 гг.) // *Корееведение*. 2023. № 2 (3). С. 29—44. DOI: 10.48647/ICCA.2023.98.39.003.

E.M. Ermolaeva

The influence of Christianity on the South Korea's Political Elite after Liberation (1945—1960)

Abstract. The article examines the role of the Christian Church in the formation of the political elite and the administrative apparatus of South Korea in 1945—1960. The reasons why the Christian community expanded and maintained a high social status and political weight, became the bearer of anti-communist ideology, and formed the socio-political support of the authorities are analyzed. The author examines the prerequisites, causes and process of “Christianization” of the country's administrative apparatus during the period of USAMGIK and Rhee Syngman's presidency. The formation of democratic political system in South Korea required new approaches and knowledge, as well as interaction with the American establishment. Christianity played an important role in this process, being perceived by many Korean politicians as a necessary component of the modern worldview. Joining the Christian community gave a number of advantages that politicians needed on their way to power. The colonial period shows us Christianity as a source of new religious symbols, but the period after liberation is characterized by the perception of Christianity as the ideology of the new state, which is an opponent of the communist ideology and promotes modernization processes.

Keywords: Christianity, Republic of Korea, political elite, USAMGIK, Rhee Syngman, anti-communism.

Author: Ekaterina M. ERMOLAEVA, PhD (History), Head of Korean Studies Department, Far Eastern Federal University. ORCID 0000-0002-7928-2543. E-mail: ermolaeva.em@dvvfu.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Ermolaeva E.M. (2023). Vliyanie xristianskogo faktora na politicheskuyu e'litu Yuzhnoj Korei posle osvobozhdeniya (1945—1960 gg.) [The influence of Christianity on the South Korea's Political Elite after Liberation (1945—1960)]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 29—44. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.98.39.003.

Введение

После освобождения Кореи от японской колониальной зависимости формально на Корейском полуострове наступило время религиозного плюрализма, однако ни на Севере, ни на Юге этот процесс не являлся полноценным. На Севере вся религиозная сфера постепенно попала под контроль государства, а после установления кимирсеновского режима религиозные, особенно христианские, круги стали объектом репрессий. На Юге религиозное сообщество получило обещанную свободу, однако мы наблюдаем фаворитизм в отношении христиан со

стороны американского командования и неоднозначные отношения христианской церкви с властями Первой республики.

Основная причина, по которой на Севере христианство подверглось гонению, а на Юге ворвалось в социально-политическую жизнь страны, — это его западное для Кореи происхождение. Оно стало источником новой морали, прогрессивных общественно-политических идей, которые пришли на Корейский полуостров вместе с европейской литературой и миссионерами. Не последнюю роль в формировании государственной политики по отношению к христианскому сообществу играла его связь с западной религиозной общиной, а также опора на идеи либеральной демократии.

Ряд исследователей не просто отмечают важную роль христианства: они пишут, что Республика Корея конца 1950-х годов являлась «христианским государством» [Lee, Suh, 2017, p. 479], а христианство было ее «де-факто государственной идеологией» [Tikhonov, 2013]. Исходя из вышеприведенных утверждений, мы можем предположить, что эта религия стала не просто идеологической базой, но и оказал воздействие на южнокорейский истеблишмент. Таким образом, автор ставит своей целью ответить на вопрос: насколько христианский фактор повлиял на политическую элиту Южной Кореи 1945—1960 гг., с чем это влияние связано и как оно проявлялось.

Христианская церковь в Корее в конце XIX — первой половине XX в.

Влияние христианства на социокультурную среду Кореи сложно преуменьшить. Особенно значительную роль оно сыграло в конце XIX — первой половине XX в. «Открытие» Кореи позволило западным католическим и протестантским миссионерам активизировать деятельность в стране; своими проповедями они повлияли на формирование политического самосознания корейцев, сформировав новые представления не только о Боге, но и законе, равенстве, гуманизме [Толстокулаков, 2007, с. 103]. Этот период характеризовался быстрой политической, социальной и культурной трансформацией, а усиление агрессии Японии в Корее породило в корейцах осознание их национальной идентичности. В формировании идеологии национального единства корейцы обратились к религиозным символам, в числе которых были и христианские.

Христианская община в Корее начала XX в. постепенно росла. В 1907 г. в Корее насчитывалось 41 тыс. христиан, которые по большей части концентрировались в крупных городах. Самым христианским из городов являлся Пхеньян, а если говорить о провинциях, то на Севере — в Пхёнан и Хванхэ, на Юге — в Кёнсан проживало больше всего людей, исповедующих эту религию, функционировало подавляющее большинство христианских церквей. Наиболее популярной христианской конфессией являлся протестантизм [Нага, 2017, p. 83—84].

Несмотря на то что с момента колонизации Кореи японское правительство не приветствовало усиление христианской церкви, количество христиан продолжало увеличиваться, особенно в северных провинциях. Согласно статистике, к началу Второй мировой войны общее количество членов корейской христиан-

ской церкви составляло 420 тыс. человек, при этом в трех северо-западных провинциях, Пхёнан-Намдо, Пхёнан-Пукто и Хванхэ, проживало более 100 тыс. верующих, то есть около четверти всего христианского населения страны [Нага, 2017, р. 84].

Можно указать на несколько основных причин достаточно быстрой христианизации Кореи в конце XIX — первой половине XX в. *Во-первых*, это изначально продуманная стратегия западных протестантских миссионеров, которые обеспечили перевод Библии на корейский язык и использовали так называемые методы Невиуса, предполагавшие работу не только с элитой, но и с широкими массами, включая детей и женщин [Пак, 2011, с. 150—151]. Важную роль в деле распространения христианского учения сыграл упор миссионеров на образование и здравоохранение и ставка на самих корейцев. Более гибкой и активной в этой сфере оказалась протестантская церковь, ввиду чего количество ее прихожан увеличивалось с большей скоростью. Миссионеры открыто защищали американские принципы, христианскую веру и западный образ жизни. Генри Аппенцеллер, например, стремился превратить Корею в «независимую протестантскую нацию под американским демократическим влиянием и защитой, чтобы она могла служить выдающимся примером для подражания другим азиатским странам», он «работал над реформированием корейского общества по образцу общества Соединенных Штатов...» [Davies, 1992, р. 422].

Вторая причина активного распространения христианства в Корею в указанный период, вероятно, объясняется политическими изменениями в стране и постепенной утерей Кореей своей независимости. Корейская элита, переживавшая духовный кризис и утратившая веру в традиционные учения, стремилась к получению новых знаний. Христианство с самого начала воспринималось корейцами как прогрессивное учение. Западные миссионеры представили наглядные доказательства этому в виде больниц и учебных заведений, построенных, управляющихся и обеспечивающихся по западному образцу. Кроме того, на фоне агрессивных действий Японии, США и другие западные страны сохраняли образ дружественных, тем самым подпитывая веру корейцев в христианство.

Похоже, отношение корейцев к Западу не изменилось даже после того, как США отказались помочь Корее в ответ на ее обращения в преддверии установления протектората Японии в 1905 г. Так или иначе, христианизация Кореи продолжалась, а крещение для корейцев стало неким актом протеста против как традиционной системы, так и колониального гнета. Ряд представителей интеллектуальной элиты настаивали на том, что конфуцианство было источником слабости и упадка страны, они выступали против старой конфуцианской системы и коррумпированных имперских судов. На этом фоне христианство было фактически единственной альтернативой, так как транслировало принципиально новые установки, направленные на реформирование старой системы — как религиозной, так и в целом социально-политической. Оно олицетворяло для корейцев западный образ жизни, экономические блага, являлось источником новых общественно-политических идей. Христианская церковь настаивала на том, чтобы каждый новый член порвал со старыми устоями, включая поклонение предкам [Park, 2003, р. 120], тем самым давая ощущение духовного обновления.

В колониальный период христианство стало значимой частью национально-освободительного движения. Отсылка к христианским и либеральным ценностям просматривается в националистической идеологии корейцев, кроме того, сам состав участников движения доказывает этот тезис. Достаточно указать на тот факт, что из тридцати трех «представителей нации», которые подписали Декларацию независимости 1919 г., шестнадцать являлись протестантами [Lee Byongsung, 2017, p. 15]. Кроме того, сама христианская церковь как институт стремилась включиться в социально-политический процесс: она проводила специальные молебны и иные акции, направленные против японской агрессии, привлекая тем самым новых адептов по всей стране [Kim, 1996, p. 36—37].

Тем не менее стоит отметить, что в колониальный период христианская церковь не всегда поддерживала антияпонские настроения, а колониальная власть не всегда выступала против христианской церкви. Японцы, корейские коллаборационисты и христианская элита часто сотрудничали. Так, в «эпоху гуманного правления» в 1920—1930 годах наблюдается рост христианских церквей, чему способствовало смягчение колониальной политики и стремление японцев создать социальную опору режима. «Контакт» колониальных властей и церкви осуществлялся в том числе за счет «модернизационной роли» последней.

В целом взаимоотношения колониальных властей и христианской церкви в Корею можно оценить как «сложные» и «неоднозначные». Установленным является факт того, что ряд священников и мирян соглашались сотрудничать с японцами, объясняя это давлением со стороны колонизаторов или совпадением взглядов на модернизацию страны. В некоторых аспектах японцы и христианские деятели смогли прийти к некому консенсусу, в то же время в целом христианская мораль противостояла колониальной жестокости.

Появление новой политической элиты

Во второй половине XIX в. корейцы получили возможность знакомиться с достижениями западной культуры и общественно-политической мысли. Поколение реформаторов, которое родилось во второй половине XIX в., с юности впитывало в себя новые веяния; оно имело возможность бывать за границей, знакоилось с европейскими концепциями конституционализма, парламентаризма и либеральных свобод [Толстокулаков, 2007, с. 86]. Для молодых политиков конца XIX в. христианство не являлось «чуждым», а воспринималось как часть своей истории. Многие из них принимали крещение, осознав реформаторскую сущность западной мысли после поездки за рубеж, учебы в христианских учебных заведениях или общения с представителями христианской общины. Идеологическая направленность нового поколения интеллектуалов, по мере превращения страны в колонию Японии, трансформировалась из сугубо модернизационной в националистическую [Пак, 2011, с. 155], при этом христианская мораль и либеральные ценности часто сопутствовали этой трансформации.

Основная масса новой политической элиты состояла из представителей родовитых, часто обедневших семей. С детства они осознавали важность образования, часть получили его в традиционной конфуцианской форме, а христианскую веру приняли уже в достаточно зрелом возрасте, другие — обрели возможность получить образование в миссионерских школах, где параллельно еще в юности приняли и саму религию. Выходцев из богатых привилегированных семей среди христианских политиков было не так много [Matsutani, 2012]. Среди них стоит отметить двух человек, сыгравших большую роль в истории Кореи: Юн Чхихо (1864—1945) и Со Джэпхилья (1864—1951). Оба родились в семьях богатых *янбан* и были отправлены в Японию, общались с Ким Оккюном и членами Партии прогресса. Оба пришли в методистскую церковь: Юн — после переезда в Китай, Со Джэпхилья — в США. И тот и другой в 1896 г. учредили Общество независимости, через которое продвигали идеи корейского национализма, одновременно с этим издавали газету «Тоннип синмун» («Независимая газета») и преподавали в миссионерских школах, прилагая усилия для распространения современного образования. Не все члены Общества являлись христианами. Так, близкий соратник Юна и Со Ли Санджэ (1950—1927) принял христианство только в 54 года, в то время как Ю Гильджун (1856—1914) не был крещен и оставался верен своим традиционным воззрениям до конца жизни.

Еще один член Общества независимости, выдающийся участник борьбы за независимость Кореи, политик, педагог Ан Чханхо (1878—1938), вступил в него, будучи истовым христианином. Выходец из небогатой семьи, он переехал в Сеул после смерти отца и получил там образование в пресвитерианской миссионерской школе. Интересен его взгляд на причины закабаления Кореи. В 1907 г. он писал о том, что индивидуальное развитие и принятие христианской веры является единственным путем корейцев к свободе: «Христос сказал евреям, что они совершили много злых поступков и были лишены всякого добра, потому Бог отнял у них права и передал их другим... Это, безусловно, относится к Корее сегодня» [Цит по: Wells, 1990, p. 41].

Список корейских деятелей конца XIX — первой половины XX в., которые приняли христианство, признав его модернизационную составляющую, был бы не полон без таких имен, как Ли Сынман (1975—1965), Ким Гу (1876—1949), Ким Гюсик (1881—1950), Хон Джин (1877—1946), Ли Донхви (1873—1935) и др. Жизненные обстоятельства, при которых молодые активисты вступали в протестантскую или католическую церковь, были различными. Тем не менее можно обозначить три основные тенденции в этом процессе: 1) обучение в христианских школах и влияние миссионеров; 2) общение с уже принявшими христианство соотечественниками; 3) знакомство с западной общественно-политической мыслью.

Формирование правой идеологии корейских христиан

В XIX в. христианство познакомило корейцев с благами цивилизации, в колониальную эпоху оно легло в основу националистических воззрений, конкурируя с традиционными корейскими верованиями и новыми учениями. Постколо-

ниальная эпоха также характеризуется увеличением количества христиан, которое в отдельные периоды описывается как «стремительное» или «взрывное» [Lee Byongsung, 2017, p. 12]. Однако в рамках новых исторических условий всплеск христианизации в этот период произошел в южной части Корейского полуострова.

На Севере влияние христиан после освобождения в 1945 г. было выше, чем коммунистов, — фактически эти две группы могли конкурировать за политическое господство [Armstrong, 2003, p. 14—15]. Журнал Time писал, что в Пхеньяне проживало около 50 тыс. христиан, которые составляли около 17 % его населения [Time, 1950]. Большая часть христиан ожидала коммунистов, готовилась к формированию так называемой народной демократии. Преподобный Ким Чэджун в преддверии прихода советских войск выступил со следующим заявлением: «Правительство, заслуживающее нашей благодарности, гарантирует свободу религии и вероисповедания, свободу мысли, свободу печати, собраний и публикаций, а также свободу совести... Мы должны отдать должное коммунизму за то, что он дал нам научный анализ экономических институтов и план действий по улучшению общества... Учитывая нынешнюю реальность Кореи, мы примем любое правительство, коммунистическое или нет, если оно гарантирует свободы, перечисленные выше» [Цит по: Em, 2020, p. 13].

По мере формирования государственной системы на Севере, недовольные режимом корейцы начали переходить на Юг. Первая волна миграции началась в 1946—1947 гг., вторая пришлась на период Корейской войны. Не все перебежчики были христианами, тем не менее они составляли значительную долю [강인철, 1992, с. 134—135]. Как следствие, на Юге увеличивалось количество церквей: в некоторых случаях в церкви были превращены даже возведенные японцами синтоистские храмы [Naga, 2007, p. 188]. Перебежчики транслировали антисоветские настроения, их христианская часть выступала против коммунистического атеизма, что в целом усиливало антикоммунистические воззрения южан.

Приходя на Юг, мигранты сталкивались с проблемой адаптации на новом месте, что еще более подогревало их радикальные взгляды. Церковь становилась для них местом утешения, поэтому, даже не будучи изначально христианами, перебежчики принимали крещение или начинали посещать христианские (чаще протестантские) приходы уже после переселения в Южную Корею. При этом церкви с сильным антикоммунистическим посылом набирали прихожан быстрее всего. Самым известным примером была церковь Ённак, образованная в 1945 г. и уже к 1949 г. насчитывавшая три тысячи прихожан, большинство из которых были беженцами из Синьдзю (пров. Пхёнан-Пукто) [Clark, 2003, p. 303].

В течение первых нескольких месяцев после освобождения христианская церковь на Юге оставалась неоднородной в своих политических предпочтениях, в ее рядах наблюдались конфликты. Многие священники за годы колониального режима уступили давлению колониального правительства и сотрудничали с японцами, за что подвергались критике со стороны христиан, принципиально выступавших против японцев. Однако церковь пришла к консенсусу гораздо быстрее, чем представители «мирского» левого и правого политического крыла.

Церковные деятели с гораздо большей готовностью прощали своих собратьев-коллаборационистов, так как искупление и прощение являются важными составляющими христианского учения. Посредниками в этом процессе часто выступали американские миссионеры, которые старались добиться примирения между христианскими лидерами. На Юге начали проводиться так называемые встречи искреннего покаяния и духовного возрождения, на которых транслировались антикоммунистические взгляды. Многие члены христианской общины находились в тесном взаимодействии с Американской военной администрацией и Корейской демократической партией, поэтому их правые взгляды легко объяснить. Не последнюю роль в формировании правой и даже ультраправой идеологии сыграли северокорейские перебежчики [Park, 2003, p. 169—170].

Ударными силами правых на Юге стали разного рода молодежные организации, которые стояли на службе у полиции, а по факту являлись бандами головорезов. Ярким примером может являться Северо-западный молодёжный союз, в котором молодежь с Севера была ключевой. Формирование подобных группировок происходило в том числе и рамках церковной общины, а насилие, которое они совершали, особенно во время Корейской войны, позволило ряду исследователей назвать протестантизм в Корее «религией ярости», «религией убийц» [김진호, 2018, с. 202].

Таким образом, с точки зрения идеологического спектра и политических установок южнокорейское христианское сообщество после освобождения увеличивалось и расширяло свой социальный состав, при этом являлось политически активным, в некоторых случаях использовало радикальные методы, оставалось проамериканским и выступало против коммунизма с его атеистическими воззрениями.

Христиане в аппарате Американской военной администрации в Корее

После прихода американских военных начала формироваться административная и хозяйственная система Юга. Очевидно, что штат укомплектовывался в основном за счет корейцев, которые оценивались американцами как лояльные и обладающие необходимыми качествами. По итогу среди корейцев, которые получили назначения, было очень много христиан: они занимали различные должности в администрации, работали в финансовых институтах и органах безопасности, являлись политическими советниками, наполнили собой сферу образования и медицины. Речь идет не только о корейцах-христианах: свое место в государственном аппарате нашли и американские миссионеры, которые воспринимали свою деятельность как возможность превратить Южную Корею в «яркую демократию» [Lee, 2007, p. 147].

Так, была сформирована Американская военная администрация (далее — АВА), которую возглавил генерал Джон Р. Ходж, который считался хорошим офицером, однако очень мало знал об Азии и не владел корейским языком. Нуждаясь в помощи, Ходж сделал одним из своих доверенных лиц Фрэнка Уильямса,

методистского миссионера. Уильямс родился в Инчхоне и провел первые пятнадцать лет своей жизни в Корее. Свободно говоря по-корейски, он мог помочь Ходжу в общении с корейцами, используя свои знания и связи. Уильямс помогал набирать корейцев в административно-хозяйственный сектор, знакомил американских военных с текущей социально-политической ситуацией, донося информацию с известной долей субъективности [Haga, 2007, p. 171].

Уильямс не был опытным политиком, демонстрировал явный фаворитизм по отношению к определенным членам политической элиты, который в большинстве случаев объяснялся их принадлежностью к христианскому сообществу. Среди близких ему по духу людей мы можем увидеть исключительно правых националистов, например Сон Джину, Ким Гу, Ли Сынмана. Существует мнение, что именно Уильямс убедил Ходжа вернуть Ли Сынмана в Корею, несмотря на негативное к этому отношение Вашингтона [Haga, 2007, p. 171]. Так или иначе АВА контактировала с политиками правого крыла, в частности с членами Корейской демократической партии, многие из которых являлись коллаборационистами в колониальный период, но оправдывались фактом «вынужденного сотрудничества».

Приход вооруженных сил США на Юг дал корейским христианам возможность получить власть. Поскольку американцы искали образованных англоговорящих служащих, корейцам, которые получили образование в миссионерских школах и тесно сотрудничали с миссионерами, было относительно легко поступить на службу в американскую администрацию. Тридцать пять из пятидесяти корейцев, занимающих высокие посты, были профессорами или выпускниками христианского колледжа Чосон (Ёнсе), священнослужителями или прихожанами. Кроме того, шесть корейских врачей, обученных американскими миссионерами во время японского колониального периода, были назначены вице-губернаторами. Национальный консультативный совет, созданный Ходжем с помощью Уильямса, неофициально называли «Христианским национальным консультативным советом» [Haga, 2007, p. 179]. Главой Корейской национальной полиции, также по совету Уильямса, стал Чо Бёнок — христианин и член Корейской демократической партии.

Вместе с американскими военными в Южную Корею начали прибывать американские миссионеры, заинтересованные в продвижении своих церквей. Так, в 1945 г. визы были выданы двадцати миссионерам для найма в Департамент общественного здравоохранения и социального обеспечения АВА [Clark, 2003, p. 294]. Военный губернатор генерал-майор Арчер Л. Лерч с миссионерами встречался каждую пятницу для обсуждения текущей социально-политической повестки. За счет собственных усилий и материальных ресурсов церкви миссионеры решали большую часть вопросов, связанных с социальной сферой. Именно они занимались благоустройством перебежчиков с Севера, попутно проповедуя им «благовест» и приводя в лоно церкви. Получив доступ к социальной работе, образованию, медицине, зарубежные проповедники обрели доступ к расширению влияния своих церквей. Христианское сообщество расширялось, крепло, внутри него создавались прочные связи, завязанные на правящем блоке.

Таким образом, можно утверждать, что режим АВА характеризовался привлечением христиан к административно-хозяйственной и политической деятельности и тем самым закреплением весомого статуса христианской общины в целом. Христиане способствовали укреплению антикоммунистической идеологии, сопряженной с терпимостью к бывшим коллаборационистам. Все это в целом влияло на политический климат на юге Корейского полуострова, делало христианскую церковь комфортной средой для формирования социальных связей, обретения единомышленников, взаимодействия как с высшим руководством, так и с народными массами.

Формирование режима Ли Сынмана

После освобождения Кореи на Юг начало прибывать множество политических деятелей, которые в колониальный период находились в эмиграции. Многие из них являлись членами христианской церкви — в большей степени протестантской. Отношение к принятию крещения у корейцев было весьма прагматичным. Христианство ассоциировалось с западной цивилизацией, идеями либеральной демократии, символизировало отказ от старых порядков.

Президент Первой республики Ли Сынман был протестантом. Он учился в школе Пэдждэ, где общался с преподобным Аппенцеллером — методистским миссионером в Корее. За годы обучения и жизни за рубежом, Ли сформировал прочные связи с методистской церковью. Считается, что его религиозные контакты давали ему серьезное преимущество перед другими политическими лидерами в Корее после освобождения. Так, Ким Гу и Ким Гюсик, которые также относились к протестантской церкви, проигрывали ему в этом плане, а потому не смогли с таким же успехом наладить коммуникацию с американским командованием и представителями корейского политического истеблишмента.

Еще в 1907 г. Ли Сынман опубликовал книгу «Дух независимости», в которой излагал свою программу по обретению Кореей суверенитета. В этой работе, наряду с критикой текущей политики власти, он подчеркивал роль образования, настаивал на необходимости расширения внешних связей страны, особенно с европейскими странами и США, а также делал упор на принятие христианства как единственно верной религии, которая позволит Корее достигнуть уровня развития Великобритании и США [Rhee, 2001, p. 282—283].

В процессе борьбы за власть и ее удержание Ли встречался с корейскими христианами и «проповедовал» идею национальной независимости, подкрепляя свою позицию «библейской мудростью» как ревностный проповедник. Он сформировал дружеские отношения с представителями корейской христианской элиты, особенно с известными профессорами, которые стали в итоге его самыми преданными сторонниками на протяжении всего срока президентства. В окружении Ли Сынмана сформировалась группа приближенных советников, которые также принадлежали к протестантам [Park, 2003, p. 170].

Религиозные и политические взгляды Ли Сынмана сделали его особенно популярным среди христиан. Он понимал важность религии в формировании

единства корейского общества. Так, еще в 1942 г. Ли писал своему другу, что в Корее «более миллиона христиан», страна является «величайшим бастионом христианства на Востоке» [Цит по: Naga, 2007, p. 215]. Он был исключительно оптимистичен в отношении роли Кореи как «будущих ворот в Азию» и «горнила для догматов Конфуция и учения Христа». Кроме того, по его мнению, именно «христианская Корея» была способна остановить «коммунизацию».

Исследователи отмечают еще одну причину, по которой Ли Сынман и последующие руководители РК делали ставку на христианское сообщество: оно было важным звеном между Южной Кореей и ее «американскими спонсорами». Вступление США в Корейскую войну, продиктованное общей парадигмой холодной войны, подписание Договора о взаимной обороне 1953 г. — все это укрепило отношения Сеула и Вашингтона, однако отношения США с правительством Ли Сынмана по многим причинам оставались натянутыми. В такой ситуации образ Южной Кореи как «христианской страны» позволял обращаться к американской общественности для получения крайне необходимой помощи через протестантские и католические церкви США и других стран Запада. С этой точки зрения неудивительно, что католик Чан Мен был избран первым послом РК в США в январе 1949 г. [Lee, 2006, p. 24]. Другим хорошим примером проведения политики через «христианскую повестку» были демонстрации, организованные Национальным христианским советом Южной Кореи в июне 1949 г., призывавшие к принятию конгрессом США законопроекта о помощи Корее. «Пусть церкви мира объединят свои силы для защиты христианства в Корее» — таков был один из лозунгов, наряду с другими обращениями к американским «христианским братьям» [Naga, 2007, p. 88—113].

Под руководством Ли Сынмана церемония в христианском стиле заменила конфуцианско-буддийские традиции на всех правительственных собраниях. Во время инаугурации Ли принес присягу, положив руку на Библию, что стало беспрецедентным событием в истории Кореи. Никто не возражал, когда он предложил начать церемонию открытия Национальной ассамблеи с благодарственной молитвы одного из депутатов, который был христианским священником.

Фактически Первая республика ознаменовала начало нового этапа христианского влияния в корейской истории. Объединяющим являлся лозунг о том, что «новая Корея» должна быть основана на «христианских идеалах» [한국기독교의 역사, 2009, с. 41]. Христианство стало религией корейской элиты, а христиане начали доминировать в новом правящем классе страны. 21 % депутатов парламента, избранного в Южной Корее 10 мая 1948 г., были протестантами. Среди управленцев доля протестантов была еще выше. 38 % из 242 человек, занимавших посты министров или заместителей министров при президенте Ли Сынмане в 1948—1960 гг., были протестантами, большая часть из них были богатыми людьми с американским или японским образованием. Исходя из риторики тех лет, можно сделать вывод, что понятия «демократия», «антикоммунизм» и «христианство» для многих являлись синонимами [Хангук кидоккёый ёкса, 2009, с. 43—44].

К маю 1950 г. около половины членов кабинета и около 40 из вновь избранных 210 депутатов Национального собрания были христианами. Заместителем

председателя парламента РК был пресвитерианский старейшина, мэр Сеула, и трое из восьми губернаторов провинций также относились к христианской церкви. Единство взглядов этих политических деятелей кроме всего прочего обеспечивалось антикоммунистической идеологией и страхом перед угрозой с Севера. Ли Сынман утверждал, что «каждый христианин знает, что он главная цель», у всех христиан есть «идеи и убеждения, поэтому они будут выступать против коммунистов», и «будут убиты, если Север возьмет верх» [Graham, 1983, p. 146].

Для Ли Сынмана поддержка христианской общины была приоритетной, так как в своей политике противостояния коммунизму он упирал на его бескомпромиссный атеизм: в его риторике постоянно звучали тезисы о «жестоких репрессиях северокорейского режима по отношению к христианам». Тем самым он сплотил вокруг себя противников северокорейского режима, среди которых было много христиан, перешедших на Юг.

«Неразрывный союз» между новой элитой и христианским руководством был дополнительно скреплен Корейской войной 1950—1953 гг., когда правые христиане стали рассматривать южнокорейские власти как своих единственных защитников от угрозы коммунистов. Тем не менее отношения президента с христианами не были однозначными.

Несмотря на поддержку, которую Ли Сынман обрел в первые годы после прибытия в Корею и вступления на пост президента, в середине 1950-х годов в среде южнокорейских христиан появились те, кто оставался на правых позициях, но одновременно с этим критиковал президента. Основной посыл заключался в том, что антикоммунистическая политика Ли Сынмана являлась прикрытием для его политической игры, в правительстве процветала коррупция, экономические реформы не проводились [Yoon, 2017, p. 246]. Южнокорейские протестанты вскоре начали экуменическое движение за объединение и инициировали программу «промышленной евангелизации» как средства искоренения бедности в РК.

В своей критике правящего режима христианская церковь провозглашала себя истинным носителем антикоммунистических ценностей, а главной задачей указывала необходимость «искоренить социальную коррупцию, рассадник, в котором укореняется и растет коммунизм, и улучшить уровень жизни бедных, чтобы они не поддались обманчивым обещаниям коммунистов» [Цит по: Tikhonov]. В 1960 г. одно христианское издание опубликовало статью, в которой утверждалось, что «люди с недоверием относятся к группам, называющим себя “антикоммунистами”, так как Ли Сынман не борется с коммунизмом, а превращает жизнь людей в ад из-за их проступков» [Yoon, 2017, p. 246].

Заключение

Во время колониального периода Кореи христианская церковь и христианское учение обрели авторитет, сопряженный с идеями равенства, демократии и социальной справедливости, а также подкрепленный гуманитарной деятельностью христианских священников и миссионеров. Наиболее активно в этом про-

цессе принимали участие протестантские церковные деятели. В этот период многие корейские интеллектуалы и политики вступили в христианскую общину во время своего обучения, поездок в США, общения с миссионерами или самостоятельного знакомства с библейскими постулатами. В итоге мы наблюдаем формирование новой политической элиты, взращённой на западных ценностях с христианским уклоном.

Сложно дать оценку, насколько глубоко христианская вера повлияла на образ мысли и поведение южнокорейских политиков. Очевидным остается, что христианство являлось частью западной культуры, которая воспринималась корейцами как база для реформирования общественно-политической системы. Полагаем, что подход к принятию этой религии был достаточно утилитарным, объяснялся целым набором конкретных преимуществ, включая налаживание контактов с западным социумом, формирование имиджа прогрессивно мыслящих людей, интеграцию с правящим классом, получением ряда других социальных и материальных бонусов. Тем не менее бесспорным остается факт постоянного роста количества христиан в Южной Корее и усложнения их социального состава.

После освобождения на Юге христианское сообщество обеспечило взаимодействие корейцев и американских военных, заполнило административный аппарат, за счет чего повысило свой статус в глазах общественности. Сохраняя антикоммунистический настрой, христиане, тем не менее, постепенно корректировали свои политические взгляды, поддерживая или выступая оппозицией правящему режиму. Принадлежность к христианскому миру стала своего рода «знаком качества и прогресса», обеспечивающим карьерный рост и «понятность» для западного сообщества.

Библиографический список

한국 기독교의 역사 3 해방 이후 20세기 말까지 [История христианства в Корее после освобождения до конца XX в.] // 서울: 한국기독교역사연구소 [Сеул: Институт истории христианства в Корее], 2009. 313 p. (На кор.).

강인철. 월남 개신교 천주교의 뿌리-해방후 북한에서의 혁명과 기독교 [Кан Инчоль. Корни протестантизма и католицизма во Вьетнаме: революция и христианство в Северной Корее после освобождения] // 역사비평 [Историческое обозрение], 1992. Vol. 17: 91—141. (На кор.).

김진호. 권력과 교회. [Ким Джинхо. Власть и церковь] // 서울: 창비 [Сеул: Чханби], 2018. 247 p. (На кор.).

Пак А. В. Проникновение протестантизма в Корею: начальный этап // Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24—25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 148—157.

Толстоулаков, И.А. История общественно-политической мысли Кореи // Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. С. 33.

Armstrong Charles K. The North Korean Revolution, 1945—1950. // New York: Cornell University Press, 2003. 288 p.

Carrots and Radishes // Time, 13 November 1950. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,821353,00.html> (дата обращения: 23.11.2022).

Clark D. N. Living Dangerously in Korea: The Western Experience, 1900—1950 (The Missionary Enterprise in Asia) // Eastbridge Books, 2003. 455 p.

Davies D. M. Building a City on a Hill in Korea: The Work of Henry G. Appenzeller // Church History, 1992. Vol. 61, Issue 4, Pp. 422—435.

Em H. Christianity, the Cold War, and the Construction of the Republic of Korea // Korea Journal, 2020. Vol. 60, № 4, Pp. 5—29.

Graham Franklin. Bob Pierce: This One Thing I Do // USA: W Pub Group, 1983. 220 p.

Haga K.Y.A. An Overlooked Dimension of the Korean War: The Role of Christianity and American Missionaries in the Rise of Korean Nationalism, Anti—colonialism, and Eventual Civil War, 1884—1953 // PhD diss., College of William & Mary, 2007. 623 p.

Kim In Soo. Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885—1920: A Study of the Contributions of Horace G. Underwood and Sun Chu Kil // New York: P. Lang, 1996. 215 p.

Lee B. Christianity and Modernity in Korea under Japanese Colonial Rule: The Federal Council of Protestant Evangelical Missions in Korea, Japanese Colonialism, and the Formation of Modern Korea // Montreal, 2017. 305 p.

Lee Chae-jin. A Troubled Peace: US Policy and the Two Koreas // USA: John Hopkins University Press, 2006. 376 p.

Lee Cheng-Pang, Suh Myungsahm. State Building and Religion: Explaining the Diverged Path of Religious Change in Taiwan and South Korea, 1950—1980 // American Journal of Sociology, 2017. Vol.123, No.2, Pp. 465—509.

Lee Namhee. The Making of Minjung: Democracy and the Politics of Representation in South Korea // Ithaca: Cornell University Press, 2007. 368 p.

Matsutani Motokazu. Church over Nation: Christian Missionaries and Korean Christians in Colonial Korea // Doctoral dissertation, Harvard University, 2012. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9882530> (дата обращения: 23.04.2023)

Park Chung-Shin. Protestantism and Politics in Korea // Washington: University of Washington Press, 2003. 320 p.

Rhee Syngman. The Spirit of Independence: A Primer of Korean Modernization and Reform // Translated by Han-kyo Kim. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2001. 308 p.

Tikhonov V. South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War — religion as ideology? // The Asia-Pacific Ocean Journal, 2013. Vol. 11, Issue 18, № 1. URL: <https://apjif.org/2013/11/18/Vladimir-Tikhonov/3935/article.html> (дата обращения: 23.02.2023).

Wells K.M. New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea 1896—1937 // Honolulu: University of Hawaii Press, 1990. 222 p.

Yoon Jeongran. Victory over Communism: South Korean Protestants. Ideas about Democracy, Development, and Dictatorship, 1953—1961 // The Journal of American-East Asian Relations, 2017. Vol. 24, No. 2/3, Pp. 233—258.

References

Armstrong Charles K. (2003). The North Korean Revolution, 1945—1950, *New York: Cornell University Press*, 288 p.

Clark D.N. (2003). Living Dangerously in Korea: The Western Experience, 1900—1950 (The Missionary Enterprise in Asia), *Eastbridge Books*, 455 p.

Davies D. M. (1992). Building a City on a Hill in Korea: The Work of Henry G. Appenzeller, *Church History*, Vol. 61, Issue 4: 422—435.

Em H. (2020). Christianity, the Cold War, and the Construction of the Republic of Korea, *Korea Journal*, Vol. 60, № 4: 5—29.

강인철 (1992). 월남 개신교 천주교의 뿌리-해방후 북한에서의 혁명과 기독교 (*Gang Incheol* (1992). Wolnam Gaesingyo, Cheonjugyo'ui ppuri: haebang hu bukhanseso'ui hyeongmyeonggwa gidokgyo). [*Gang Incheol* (1992). Roots of Protestantism and Catholicism in Vietnam: Revolution and Christianity in North Korea after Liberation], *역사비평* [Yeoksa Bipyeong], № 17: 91—141 (In Korean).

Graham Franklin (1983). Bob Pierce: This One Thing I Do. *USA: W Pub Group*, 220 p.

Haga K.Y.A. (2007). An Overlooked Dimension of the Korean War: The Role of Christianity and American Missionaries in the Rise of Korean Nationalism, Anti—colonialism, and Eventual Civil War, 1884—1953. PhD diss., *College of William & Mary*, 623 p.

한국 기독교의 역사 3 해방 이후 20세기 말까지 (Hanguk gidokgyo'ui yeoksa 3 haebang ihu 20segi malkkaji). [History of Korean Christianity 3 From Liberation to the End of the 20th Century]. *Seoul: The Institute of the History of Christianity in Korea*, 2009. 313 p. (In Korean).

Kim In Soo (1996). Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885—1920: A Study of the Contributions of Horace G. Underwood and Sun Chu Kil, 1885—1920. *New York: P. Lang*, 215 p.

김진호 (2018). 권력과 교회 (*Kim Jinho* (2018). Kwollyeokkwa kyohoe) [*Kim Jinho* (2018). Power and Church]. *Seoul: Changbi*. 247 p. (In Korean).

Lee Byongsung (2017). Christianity and Modernity in Korea under Japanese Colonial Rule: The Federal Council of Protestant Evangelical Missions in Korea, Japanese Colonialism, and the Formation of Modern Korea. *Montreal*, 305 p.

Lee Chae-jin (2006). A Troubled Peace: US Policy and the Two Koreas. *USA: John Hopkins University Press*, 376 p.

Lee Cheng-Pang; Suh Myungsahm (2017). State Building and Religion: Explaining the Diverged Path of Religious Change in Taiwan and South Korea, 1950—1980, *American Journal of Sociology*, Vol. 123, No. 2: 465—509.

Lee Namhee (2007). The Making of Minjung: Democracy and the Politics of Representation in South Korea. *Ithaca: Cornell University Press*, 368 p.

Matsutani Motokazu (2012). Church over Nation: Christian Missionaries and Korean Christians in Colonial Korea. *Doctoral dissertation, Harvard University*. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9882530> (accessed: 23 April, 2023).

Pak A. V. (2011). Proniknovenie protestantizma v Koreyu: nachal'nyj etap, *Koreya: desyatiletie novyh vozmozhnostej* [The Penetration of Protestantism in Korea: An Initial Stage]. *Doklady, predstavlenyye na XV nauchnoj konferencii koreevedov Rossii i stran SNG. Moscow*: 148—157 (In Russian).

Park Chung-Shin (2003). Protestantism and Politics in Korea. *Washington: University of Washington Press*, 320 p.

Rhee Syngman (2001). The Spirit of Independence: A Primer of Korean Modernization and Reform / Translated by Han-kyo Kim. *Honolulu, HI: University of Hawaii Press*, 308 p.

Tikhonov V. (2013). South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War — religion as ideology?, *The Asia-Pacific Ocean Journal*, 2013. Vol. 11, Issue 18, № 1. URL: <https://apjif.org/2013/11/18/Vladimir-Tikhonov/3935/article.html> (accessed: 23 February, 2023).

Tolstokulakov I. A. (2007). Istoriya obshchestvenno-politicheskoy mysli Korei [History of socio-political thought in Korea]. *Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta*, 368 p. (In Russian).

Wells Kenneth M. (1990). *New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea 1896—1937*. Honolulu: *University of Hawaii Press*, 222p.

Yoon Jeongran (2017). Victory over Communism: South Korean Protestants. Ideas about Democracy, Development, and Dictatorship, 1953— 961, *The Journal of American-East Asian Relations*, Vol. 24, No. 2/3: 233—258.

Carrots and Radishes. *Time*, 13 November 1950. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,821353,00.html> (accessed: 23 November, 2022).

Поступила в редакцию: 13.05.2023

Received: 13.05.2023

Принята к публикации: 19.05.2023

Accepted: 19.05.2023